

СИБИРСКИЙ ФРОНТИР И СТАНОВЛЕНИЕ КАЗАХСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Аманжолова Д.А., Москва (Россия)

Аннотация. В статье представлен анализ роли сибирского фронта, сибирской интеллигенции, общественно-политической мысли сибирских областников в формировании культурной и политической элиты Степного края. На примере биографий лидеров лидеров национального движения «Алаш» прослеживаются общие ценности, идеи и направления деятельности интеллектуалов обширного фронтального пространства, неразрывная связь с российским культурно-цивилизационным пространством. описывается опыт конструктивного кросс-культурного взаимодействия.

Ключевые слова: Россия, Сибирь, культура, казахская интеллигенция, межэтнические коммуникации, модернизация

THE SIBERIAN FRONTIER AND THE FORMATION OF THE KAZAKH INTELLIGENTSIA

Amanzholova D.A., Moscow (Russia)

Abstract. The article presents an analysis of the role of the Siberian frontier, the Siberian intellectuals, and the socio-political thought of the Siberian regions in the formation of the cultural and political elite of the Steppe region. Common values, ideas and directions of activity of intellectuals of the vast frontier space, inextricable connection with the Russian cultural and civilizational space are traced on the example of biographies of leaders of the national movement «Alash», and the experience of constructive cross-cultural interaction is described.

Keywords: Russia, Siberia, culture, Kazakh intelligentsia, interethnic communications, modernization

Как известно, Степной край включал в себя значительные территории современного Казахстана, что предопределило развитие и укрепление разнообразных межкультурных коммуникаций в рамках сибирского фронта, действующими лицами которых стали представители разных этносоциальных групп и общностей. Для них интегративный потенциал общего административно-территориального, политического и экономического пространства означал рост и достаточно противоречивые проявления. Он понуждал к выработке новых адаптивных инструментов в хозяйственной деятельности, встраивании и участии в бюрократических механизмах, освоении социально-культурного багажа, который был накоплен

обществом и преобразовывался государством в интересах стабильности и управляемости региона как части целого организма Российской империи.

В становлении культурных ориентиров и политических приоритетов мультикультурного сообщества сибирских интеллигентов начала XX века колоссальную роль сыграла общая ситуация в России – ее социально-экономическое развитие, культурные и политические императивы передовой интеллигенции и общественных лидеров. Свою этнополитическую самоидентификацию и демократическую практику все они реализовали как граждане российского государства: «В дореволюционной России было представление о национальной территории, национальных интересах и национальной экономике, существовал многочисленный слой образованного и служивого населения разной этнической и религиозной принадлежности, которые считали себя представителями одного российского народа и своим Отечеством считали Россию» [11].

Собственно, зарождение и становление казахской интеллигенции было прямо связано с обозначенными процессами. В Степном крае сложились достаточно благоприятные условия для подготовки образованной казахской молодежи, в том числе будущих лидеров национального движения «Алаш». Ее познавательные ресурсы, интеллектуальный кругозор, идейно-политические предпочтения, научные интересы и общественные идеалы складывались в тесном общении с лучшими представителями сибирской интеллигенции через разнообразные институты – учебные заведения, журналистика, научные сообщества, межличностные контакты и дружеские отношения [6, 7, 8, 12, 15].

Молодые годы будущих алашординцев пришлось на важнейшие для их становления социально-экономические, политические и культурные трансформации. Определяющие для каждого студенческие времена были периодом бурных общественных дискуссий, укрепления рыночной экономики, технических изобретений, становления земства и лучших качеств российской интеллигенции, уникальных открытий великих ученых, преподававших в университетах страны и создавших атмосферу уважения общества и власти к науке. Лучшие студенты той поры считали неприличным не быть в курсе научных новаций, не интересоваться политикой, не участвовать в общественной деятельности (подготовка и обсуждение рефератов, демонстрации, сбор подписей и пожертвований, журналистика и пр.).

Быстрая капиталистическая модернизация со всеми ее успехами и проблемами, особенно в традиционных культурах, какой была и

казахская, наряду с нараставшей политизацией общественной жизни, ростом противоборства власти и оппозиции; популярность социалистических идей и благородной борьбы за народные нужды, интеллектуальное общение со сверстниками и преподавателями, постоянное чтение и осмысление новейших произведений великих писателей, художественные новинки (реалисты-передвижники, модернисты, кинематограф и т. д.) – весь этот мир российской культуры конца XIX–начала XX вв. создавал уникальный и благодатный культурный контекст. Формирование национального самосознания казахов усилиями интеллигенции определялось рядом факторов внутриэтнического характера и объективными условиями развития казахского общества. Особенно активно этот процесс происходил в XX в. Хотя, уже в XVIII и, особенно, в XIX вв. вследствие все более активного втягивания региона в общероссийскую экономику, участия казахов в важнейших военно-политических событиях Российской империи, а также усложнения форм социальной организации, медленного, но неуклонного перехода от кочевых к полукочевым и оседлым формам жизнедеятельности, интенсивного общения казахской элиты и ссыльных представителей русской демократической интеллигенции и др. обстоятельств казахский этнос обретал новое качество развития [2, с. 21-81].

На формирование этнического самосознания, культурную и социально-политическую консолидацию казахов в начале XX в. влияние оказали и усиливающиеся процессы централизации, унификация системы управления по общероссийской схеме, складывание относительно значимого образованного слоя казахской элиты и ухудшение положения народных масс вследствие интенсивной переселенческой политики, нарушения традиционной системы землепользования, изъятия земельных угодий у коренного населения. В то же время, интеграционная политика государства способствовала не только внедрению общероссийских органов управления, но и социально-культурных норм. Это ускорило осознание мыслящей частью общества нетерпимого состояния в области экономических, политических, культурных, в т. ч. религиозных, прав человека.

Пробуждение социально-политической активности в разных регионах имело большое этнокультурное своеобразие и обнажило мозаичность цивилизационной среды, в которой разворачивалась революционная модернизация общества и государства. Один из самых ярких примеров органичного синтеза лучших достижений русской и казахской культуры, в т. ч. политической, достигнутого в сибирской

культурной среде, являет пример А. Букейханова¹. Уже студентом он ознакомился с новейшими социально-политическими и экономическими учениями и идеями, которые находились в центре внимания российской общественности, в т.ч. марксизмом. Он вспоминал, что еще «в бытность студентом... принимал самое деятельное участие во всех студенческих делах, всегда примыкал к крайней левой... очень энергично отстаивал тезисы экономического материализма». Ученый-аграрник С.П. Швецов свидетельствовал в 1930 г., что, сотрудничая в газете «Степной край» в 1895-1897 гг., будущий член ЦК партии кадетов Букейханов «представлял собою марксистское направление... и был, несомненно, наиболее ярким его выразителем». Большое влияние на его позицию в вопросах землепользования оказало сближение с сибирскими народниками и эсерами, участие в экспедиции Ф.А. Щербины по хозяйственно-статистическому обследованию региона, членство в Западно-Сибирском отделе РГО [9; 13, с. 112].

Большой литературный, журналистский, пропагандистский опыт он обретал через общение с русскими демократами в Омске, в т.ч. газетах «Степной край» (1885-1897 гг.), «Степной листок» (1893 г.), «Семипалатинский листок» и др. Благодаря «Степному краю», где трудился народник Я.С. Севостьянов, он нашел и свою единственную любовь – его дочь Елену. Нам практически ничего не известно о ней, но несомненно, что эта женщина, выросшая в демократической среде, сыграла неопределимую роль в личной и общественной биографии лидера Алаш. После смерти жены (1918 или 1919 г.) Букейханов оставался вдовцом.

Уже в 1898 г. А. Букейханов являлся действительным членом Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества в Омске, в 1901-1908 гг. – членом его распорядительного комитета. Членами отдела в эти года были известные статистики Ф.А. Щербина, Л.К. Чермак, будущие деятели Временного Сибирского правительства, имевшие прямое отношение к вопросам взаимоотношений с Алаш-Ордой, В.В. Сапожников и А.М. Ярмош. Участие в статистических экспедициях, общение с этими учеными и общественными активистами в исторических и социально-экономических дискуссиях позволило Букейханову существенно нарастить свой образовательный, научный и ораторский багаж. Он играл существенную роль в

¹ Общественный и государственный деятель, организатор и лидер национально-демократической партии «Алаш» (*прим. ред.*).

предметном ознакомлении российской общественности с насущными нуждами и этносоциальными особенностями казахов России, особенно в аграрной сфере. К примеру, летом 1907 г. он по своей инициативе провел статистическое обследование 27 переселенческих поселков Атирской и Седельниковской волостей Тарского уезда Тобольской губернии, находившихся по рекам Уя и Шиша и заселяемых с 1897-1900 гг. Подробнейшую характеристику хозяйственного строя, материального положения и структуры населения поселков он дал в специальной статье [3]. В 1903 г. он стал одним из авторов тома 18-го «Киргизский край» издания «Россия». Полное географическое описание нашего Отечества (СПб.). Экономические и политические взгляды коллег стимулировали формирование его демократических ориентиров (даже провоз политических ссыльных через Омск он использовал, чтобы на станции перебраться с ними несколькими словами или фразами»). Полиция констатировала «несомненно вредное влияние» Букейханова и русских народников (Ф.А. Щербины, Л.К. Чермака, В. Грацианского и др.) на молодежь Омска.

В 1903-1905 гг. Букейханов находился в экспедиции под руководством Ф.А. Щербины, также числившегося неблагонадежным, как и весь состав экспедиции. Ее костяк составили квалифицированные специалисты по статистике и сельскому хозяйству, почти все они были специальными, близкими к народникам. Щербина был ярким представителем народнической теории в вопросе о казахской родовой общине, считая необходимым ее дальнейшее эволюционное развитие в сторону приближения к русской общине. Подобранные самим Щербиной единомышленники еще до начала полевых работ изучили всю литературу о Степном крае, казахах и кочевых народах, а в ходе работы не только впервые установили существование казахской общины, но и показали этапы ее развития, определили в качестве единиц обследования реальные социально-экономические формы. «Экспедицией прочно установлены формы киргизского землепользования. ...особенно существенное значение ...имеет выработка... земельных норм, которыми обеспечиваются как интересы кочевого населения, так и возможность правильно поставленной колонизации края» [5, с. III, IV]. «Состоя в постоянном непосредственном общении с простым народом на почве исследования землевладения и землепользования, члены этой экспедиции проводят в народе антиправительственные идеи», и хотя Щербина был вскоре отстранен от должности, «но посеянные им семена ... продолжают развиваться в ущерб интересам правительства», – доносил генерал-лейтенант фон Валь 25 марта 1903 г. министру внутренних дел [1, с. 10].

Сибирские областники, их политическая программа и тактика сыграли особую роль в становлении казахской интеллигенции, что подтверждает и пример А. Ермакова [4]. Русские и казахские демократы одинаково уважительно относились к полиэтничному крестьянству, принципиально отделяя негодную и даже дискриминационную политику бюрократии и власти в целом от объединяемых общими бедами народных масс. С.П. Швецов, описывая бедность трудовых слоев всех национальностей Сибири, замечал по поводу рисков переселенческого движения в Семипалатинскую область: «Если тут будут селиться переселенцы, то дело без ссор и драк в ней с киргизами не обойдется» [14, с. 28].

Статьи Букейханова в дореволюционной периодике о П.П. Семенове, Г.Н. Потанине, Н.И. Мечникове, А. Бебеле, переводы на казахский язык произведений Л.Н. Толстого, В.Г. Короленко, А.П. Чехова, басен Эзопа свидетельствуют о его широкой эрудиции и вместе с тем характеризуют неразрывную связь с Россией культурно-цивилизационного пространства, в котором складывались идейные взгляды казахской интеллигенции. В студенческой среде и в политических организациях она испытывала мощное воздействие российской духовной и интеллектуальной культуры. «Киргизы пока не знают и не чтут великие имена борцов за свободу России, – писал он в 1905 г., – но они узнают и будут знать и обязаны чтить освободителей России, начиная от Пестеля, кончая настоящими узниками Шлиссельбурга!» [10].

Взаимный обмен культурными наработками в их широком понимании, научное изучение полиэтничного региона, политическая активность и патриотизм выростали в соработничестве, а становление казахской интеллигенции в сибирском социальном пространстве оказалось успешным. В целом вся поликультурная, многоэтничная палитра населения региона, а также деятельность разных социально-политических акторов создавали плодотворную основу для укрепления опыта конструктивного кросс-культурного взаимодействия гражданских сил. Имперский опыт в его локальном воплощении, несмотря на известные противоречия, являющиеся неотъемлемой частью всякого развития, подтверждает важную роль большого государства и его колоссальных ресурсов в процессах модернизации традиционных обществ.

Литература

1. *Аманжолова Д.А.* Партия Алаш: история и историография. Семипалатинск, 1993. 135 с.

2. *Бекмаханова Н.Е.* Государственное законодательство и народы России // Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия. М.: Наука, 2003. С. 21-81.
3. *Букейханов А.* Переселенцы в тарских урманах (из записной книжки статистика) // Сибирские вопросы. 1908. № 11. 23 марта 1908. С. 1-9; № 12. 31 марта 1908. С. 7-12.
4. *Кыдыралина Ж.У.* Алимхан Ермаков: судьба и время. Астана: Фолиант, 2015. 437 с.
5. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию Степных областей. Акмолинская область. 1. Кокчетавский уезд. Т.1. Воронеж: Типография В.И.Исаева, 1898. 435 с.
6. *Ремнев А.В.* Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков / под общей редакцией Н. Г. Суворовой. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 577 с.
7. Россия и Центральная Азия. Конец XIX — начало XX века: сборник документов и материалов. М.: Новый хронограф, 2017. 576 с.
8. *Сагалаев А.М., Крюков В.М.* Потанин, последний энциклопедист Сибири: Опыт осмысления личности. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. 208 с.
9. Степной край (Омск). 1905. 6 декабря.
10. Семипалатинский листок. 1906. 5 июня.
11. Тишков В.А. Российский народ и национальная идентичность // Известия. 2007. 19 июня.
12. *Чуркин М.К.* Степной край в системе российского имперского управления второй половины XIX в. в репрезентации этотекстов колониальных экспертов // Вопросы истории Сибири: сборник научных статей. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2021. Вып. 17. С. 156-164.
13. *Швецов С.П.* Омская газета «Степной край» и политическая ссылка // Северная Азия. Кн.1-2. М., 1930. С. 110-118.
14. *Швецов С.П.* Сибирь, кто в ней живет и как живет: беседы о сибирских «вольных землях» и переселении на них. СПб.: Печатня товарищества «Ш. Буссель. Наследники», 1909. 64 с.
15. *Шиловский М.В.* Областничество и регионализм: эволюция взглядов сибирского общества на пути инкорпорации Сибири в общероссийское пространство // Административно-государственное и правовое развитие Сибири XVII–XX веков. Иркутск, 2003. URL: <http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/12/> (дата обращения: 12.08.2014).